

ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

(укр. *кочубей*, русск. *настырный*, *измываться*)

Укр. *кочубей*

В диалектах украинского языка это слово обозначает жаворонка или один из видов этой птицы — хохлатого жаворонка: *кочубей*, *-бѣя* 'хохлатый жаворонок' (из кн.: «Народные южнорусские песни». Изд. А. Метлинского. Киев, 1854)¹, 'жаворонок', полесск. (Варовськ Иванківського району, Заруддя Поліського району, Соснівка Димерського району Київської обл.)². В том же районе, где жаворонок называется *кочубей*, известно и *кочубарка* 'посміттюха', т. е. 'хохлатый жаворонок' (Варовськ Иванківського району Київської обл.)³. Другим славянским языкам эти слова, кажется, неизвестны.

Хохлатый жаворонок является одним из наиболее распространенных в Средней и Южной Европе видов этого семейства. Можно предполагать, что *кочубей* исконно обозначает именно данный вид и лишь вторично обобщается иногда как название других видов. Если исходить из первичности значения 'хохлатый жаворонок', то слово *кочубей* может быть истолковано как производное от *чуб* с приставкой *ко-* и суффиксом *-ей* (*-eĭь).

Одно из значений укр. *чуб* — 'хохол у птиц'⁴. Известно это значение слова *čubъ и в других славянских языках — чешском, словацком, причем слав. *čubъ родственно немецкому *Kaure* 'хохол птицы'⁵. Наличие хохолка является достаточно бросающимся в глаза отличительным признаком некоторых птиц, поэтому оно отмечается в украинских названиях чибиса и свиристеля: укр. *чубайка* 'эпитет пугалы' (т. е. чибиса) и *чубак* 'свиристель европейский'⁶ образованы от *чуб*. Следовательно, таким же образованием может быть и название хохлатого жаворонка.

Функции приставки *ко-/ка-* в славянских языках еще не определены. Она выделяется во многих отглагольных и отыменных

¹ Гринченко II, стр. 295.

² П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, стр. 37.

³ Там же.

⁴ Гринченко IV, стр. 473—474.

⁵ Машек, стр. 77.

⁶ Гринченко IV, стр. 474.

образованиях, в том числе в укр. *ка́довб, ка́дуб, ка́верза, коверза́, кóворот*⁷. О возможности приставки *ко-/ка-* в названиях птиц свидетельствует ст.-слав. *кагръличиць* 'pullus turturis' (к *gъr-līca)⁸. Во всех славянских языках эта приставка является архаизмом.

Суффикс **-ej-* в славянских языках присоединяется к именным основам и имеет различные функции: ср. словен. *drūžej, mālej*, русск. *жнея* (при *жнеу*)⁹. В украинском языке обычным рефлексом праславянского **-ej-* является *-ий*, но в некоторых образованиях возможно и *-ей*, например *торбей*, *-ея* 'нищий' (от *торба*)¹⁰, ср. особенно имена на *-ей*, зафиксированные в тех же районах, что и *кочубей*: полесск. *плечей*, *-чей* 'широкоплечий человек' (Буда-Варовичі Поліського району Київської обл.)¹¹, *пузій*, *-зій* 'толстобрюхий человек' (Варовськ, Тетерівське Іванківського району; Заруддя, Клівини Поліського району Київської обл.)¹².

В полесском *кочубарка*, в отличие от *кочубей*, использован суффикс *-ар-* (с последующим присоединением *-ка*), очень продуктивный в украинском языке¹³. Можно предполагать, что как *-ej-*, так и *-ar-* являются поздними добавлениями к архаичной, возможно, — праславянской основе **кошуб-*. Первоначальное значение этой основы — 'хохлатая, с хохолком (птица)'.

Здесь не рассматривается этимология фамилии *Кочубей*, представляющей самостоятельный интерес и, возможно, не связанной по происхождению с апеллятивом *кочубей* 'хохлатый жаворонок'

Русск. *настырный*

Русск. *настырный* 'бойкий, смелый, дерзкий, наглый, бесстыжий' является диалектным словом, представленным в Тульской, Курской и Орловской областях¹⁴, употребляется и в просторечии и, очевидно, связано определенным образом с укр. *настірний, настірливий* 'надоедливый'¹⁵, 'назойливый, навязчивый, неот-

⁷ См.: Ф а с м е р II, стр. 153, 287, а также: А. Д е б е л ь а к. О mrtvih velarnih predponah. — «Slavistična Revija», V—VII, 1954, стр. 169.

⁸ F. V. М а г е š. K metodice etymologického bádání: Etymologie některých slovanských pojmenování ptáků onomatopoického původu. — «Slavia», XXVI, 3, 1967, стр. 352.

⁹ W. V o n d r а k. Vergleichende slavische Grammatik, I. Bd. 2. Aufl. Göttingen, 1924, стр. 516.

¹⁰ R. S m a l - S t o c k y j. Abriss der ukrainischen Substantivbildung. Wien, 1915, стр. 9; Г р и н ч е н к о IV, стр. 275.

¹¹ П. С. Л и с е н к о. Указ. соч., стр. 52.

¹² Там же, стр. 56.

¹³ R. S m a l - S t o c k y j. Указ. соч., стр. 29—31.

¹⁴ Д а л ь⁸ II, стб. 1244; О п ы т, стр. 124.

¹⁵ Г р и н ч е н к о II, стр. 523.

вязный, неотвязчивый, наяпливый, неотступный'¹⁶. В пределах русской лексики *настырный* могло бы быть сопоставлено с диал. *стырить* 'клянчить, надоедать просьбами, насмешками, насмехаться, отпускать остроты на чей-либо счет' олон., 'спорить, упрямиться' волог., перм., 'возражать с грубостью' иркут., якут., 'быть неразвязным, неповоротливым' пенз., 'нескладно, глупо говорить' тамб., 'смотреть куда-либо с удивлением' псков.¹⁷ Однако *стырить* и *настырный*, судя по данным словарей, не встречаются в одном и том же говоре, что ставит их родство под сомнение.

Если обратиться к укр. *настірний* (оставив пока в стороне русск. *настырный*), то следует учесть, что украинское *и* может восходить этимологически не только к *у, но и к *і. В последнем случае *настірний* хорошо толкуется как производное от сохранившегося в говорах глагола *настирати́ся* 'домогаться, добиваться'¹⁸, который родствен диал. *натирати* '1) натирать, 2) напирать, 3) настаивать, докучать' («Не *натирай*, бо бачиш, що ніколи» Брацлав.)¹⁹ и является итеративом от глагола *terti, *tyro*: ср. укр. диал. *настерло* 'припало, загорелось, приспичило, захотелось' (Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурую) и «Це вже я *настерся*, щоб більшу (хату) робили» (Миргор.)²⁰.

Глагол *terti, *tyro* и производные от него развивают в славянских языках широкий круг вторичных значений, производных от 'тереть'. Так, в старославянском и древнерусском языке появляются значения 'мучить(ся), истязать(ся)': *сѣтрѣти* 'сокрушать, печалить' (Пандекты Антиоха)²¹, *сѣтирати* 'истязать, мучить' (Служебная минея за октябрь по сниску 1096 г.)²²; ср. также словоупотребление: «По недѣлю сѣѣзжався и розѣѣхашася розно, а управѣ не учинивше никоея же, толко сами *стерлися*» (Псковская I летопись, 6981 г.)²³. Близкое значение известно словацкому: *patriet'sa* — 'вытерпеть, перенести (голод, беду)'²⁴. Значение 'напирать, домогаться', вероятно, близко как первичному 'тереть', так и вторичному 'мучить' и известно производным от *terti, *tyro* не только в украинском языке, но и в других славянских языках: польск. *pacierać na koga* 'наседать на

¹⁶ «Украинско-русский словарь». Гл. ред. И. Н. Кириченко, II. Киев, 1958, стр. 657—658.

¹⁷ Куликовский, стр. 115; Опыт, стр. 218; Даль³ IV, стб. 604.

¹⁸ Гринченко II, стр. 523.

¹⁹ Там же, стр. 526.

²⁰ Там же, стр. 523.

²¹ Резневский III, стб. 848.

²² Там же, стб. 843.

²³ Там же, стб. 848 (статья *сѣтрѣтиса*).

²⁴ «Slovník slovenského jazyka». Ved. red. dr. Št Peciar, II. Bratislava, 1960, стр. 299.

кого-либо, усиленно просить, домогаться от кого-либо'²⁵, слвц. *dotierat* 'настаивать, приставать, быть неотвязчивым', *dotierat* 'навязаться, насильно напрашиваться'²⁶, чеш. диал. *dotřit se k něčemu* 'добиться чего-нибудь хитростью, пронырством'²⁷, литер. *dotírati* 'приставать, придирааться', *dotěra* 'нахал', *dotěrný* 'нахальный, докучливый, назойливый'²⁸, с.-хорв. *nătjerati* 'принудить, заставить, приневолить'²⁹.

Связь чешских *dotřit se (k něčemu)*—*dotírati*—*dotěrný* представляет особенно яркую параллель к укр. *настерло*—*настиратися*—*настирний*. Поскольку укр. *настирний* получает, таким образом, объяснение в кругу производных от глагола *terti, *tyro* при условии происхождения корневого *u* < *i, отношения родства между укр. *настирний* и русск. *настырный* становятся невозможными. Если учесть территорию распространения русск. *настырный* — Тульская, Курская и Орловская области, то реальным представляется предположение о его заимствовании из украинского языка.

Что касается русск. диал. *сты́рить*, то его происхождение считается неясным³⁰. Кажется, и в данном случае небезынтересны данные украинского языка, хотя, разумеется, можно высказать лишь предположение.

Укр. *сты́рити* имеет значение 'управлять кормилом судна'³¹ и бесспорно связано со *сты́рник*, *стернік* 'кормчий, кормщик' и *стерно́* 'большое весло на корме у барки, которым управляет кормщик, вместо руля'³². Вероятно, от *стирити* образованы *пидстирити* 'подводить, подстрекать' и *стира* — ср. «*стира* подстирила»³³.

Русские говоры знают слова *стырь*, *стыр* и производные от них в различных значениях: *стырь* 'стерно, копец, кормило' стар., 'кол' пск.³⁴, 'штулка, вставляемая в дно дощника' олон.³⁵, *стыр* 'сердечник, курок, шворень, штырь' тамб., 'щегла, дерево, маяча' волж., псков.³⁶, 'палка, всаживаемая вплоть до дна в чан, кадку или обрез с рубленою кашустою, толченою репою или наливными ягодами, — для того, чтобы дно чана крепко держалось в клеп-

²⁵ Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki III, стр. 190, 21.

²⁶ «Slovník slovenského jazyka», I. Bratislava, 1959, стр. 313.

²⁷ F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 63.

²⁸ PSJČ I, стр. 521.

²⁹ RJA VII, стр. 688—689.

³⁰ Vasmer III, стр. 36.

³¹ П. Білецький - Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, стр. 341.

³² Там же; Гринченко IV, стр. 203—204. *Стерно* заимствовано через польское посредство из немецкого (см.: Vasmer III, стр. 13—14).

³³ П. Білецький - Носенко. Указ. соч., стр. 341.

³⁴ Даль³ IV, стб. 605.

³⁵ Куликовский, стр. 115.

³⁶ Даль³ IV, стб. 605.

ках' арх.³⁷, 'средечник, шкворень у телеги' твер.³⁸, *стырок* 'шпенец'³⁹. Значение 'кол' для *стырь* представлено с XVI в.⁴⁰

Если в украинском языке на основе имени с значением 'кормило, руль' было образовано *стирити* 'управлять кормилом судна' и затем *подстирити* 'подводить, подстрекать', то можно предположить, что в русских говорах на основе преобладающего значения *стырь/стыр* 'кол, палка' (преимущественно неподвижно закрепленные) производный глагол *стырить* получил значение 'быть неповоротливым, упираться, упрячиться' > 'надоедать просьбами, насмешками' и т. д. (см. выше значения *стырить* по говорам).

Русск. *измываться*

Глагол *измываться* (*над кем-либо*) 'издеваться, насмехаться' известен русскому литературному языку и некоторым говорам: рязанским, калужским⁴¹. В псковских, тверских и донских говорах употребляется *смываться*⁴², в старожильческих говорах Прибалтики — *надмываться*⁴³. Следовательно, речь идет о приставочных образованиях с корнем *-мыв-*. Приставки *из-* и *с-* в русском языке довольно часто выступают как синонимичные, образующие глаголы совершенного вида (ср. *изготовить*—*сготовить*, *издохнуть*—*сдохнуть*, *измять*—*смять*, *износить*—*сносить*, а также др.-русск. *изгорѣти*—*сгорѣти*, *издѣватися*—*сдѣватися*, *изискати*—*сискати*, *изломити*—*сломити*⁴⁴); приставка *над-* воспроизводит характерное для глагола *измываться* управление: *измываться над кем-либо*. Относительно корня глагола *измываться* существует предположение о его родстве с глаголом *мычать*, причем со ссылкой на структуру чеш. *mujati* 'мычать'⁴⁵. Против этого предположения, однако, свидетельствует отсутствие в русском языке формы корня **тув-/*туј-* 'мычать' при позднем появлении глагола *измываться* (судя по данным картотек древнерусского словаря Института русского языка, впервые зафиксировано в конце XVII в., см. ниже). Поэтому правомерны попытки

³⁷ Подвысоцкий, стр. 167.

³⁸ Опыт, стр. 218.

³⁹ Даль³ IV, стб. 605. Русск. *стырь* также является германским заимствованием (см.: Васмер III, стр. 36).

⁴⁰ Срезневский III, стб. 583.

⁴¹ Даль³ II, стб. 58; Опыт, стр. 74.

⁴² Даль³ IV, стб. 306; Миртов, стр. 301.

⁴³ В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига, 1963, стр. 164.

⁴⁴ Срезневский I, стб. 1053, 1057, 1059, 1062; II, стб. 691, 702, 712, 738.

⁴⁵ Фасмер II, стр. 122.

иного истолкования происхождения глагола *измываться*. Представляется возможным его родство с глаголом *мыть*, при условии развития значения 'мыть, обмывать' > 'колдовать, обмывая' > 'издеваться' в связи с магией воды и историей религиозных воззрений русского народа.

Наряду с другими природными стихиями, славяне-язычники обожествляли и воду. Следы этого обожествления являются различные обрядовые игры типа русалий и традиционное почтительное отношение к воде⁴⁶. Обожествление воды в сочетании с ее природными свойствами лежит в основе языческого восприятия воды как целительной, магической силы, способной очистить и защитить от злых чар, от уроков и сглаза, от болезней и опасностей настоящих и будущих. Христианство, подавляя проявления языческого обожествления воды, одновременно само способствовало упрочению веры в ее магическую, очистительную силу⁴⁷. Этим объясняется, вероятно, особая стойкость магии воды в различных обрядах — свадебных, похоронных⁴⁸, обрядах, связанных с рождением, а особенно — в народном врачевании.

Преследование знахарей со стороны официальной церкви, условия преимущественно устной передачи заговоров, поздняя запись, утрата в ряде случаев непосредственной связи между текстом заговора и магическими действиями знахаря, забвение самих действий — все это затрудняет реконструкцию более или менее полной картины очистительных и предохранительных обрядов с применением воды, однако и на основании имеющихся этнографических данных можно сделать вывод, что большая часть заговоров, предназначенных для предохранения или очищения человека и его имущества от порчи, болезней и несчастий, связана с магическим применением воды.

Иногда умывание играло, вероятно, второстепенную роль в обряде, но показательно его упоминание в тексте заговора. Типично, например, такое начало заговора: «Стану я, . . . благословясь и перекрестясь, свежею, холодною, ключевою водою *умоюсь* . . .»⁴⁹. В других случаях умывание не упоминается в тексте заговора, но заговор рекомендуется произносить рядом с водой и «потом

⁴⁶ См.: С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в. М.—Л., 1957; Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии. Пг., 1916 (далее — Зеленин); «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским», т. I. СПб., 1872, стр. 41—42 (далее — Чубинский).

⁴⁷ А. Ветухов. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Варшава, 1907, стр. 188 (далее — Ветухов).

⁴⁸ J. Vahros. Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna. Helsinki, 1966; Зеленин (особенно стр. 66—82).

⁴⁹ Н. Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч., вып. I. СПб., 1908 (=ЖСт 1907, вып. I—II), стр. 46, 66 (записи из Костромской и Вологодской обл.). Далее — Виноградов I.

умыться сею водою»⁵⁰, или, например, предусматривается обмывание больного ребенка над горшком с его одеждой, горшок несут к реке, бросают в воду и тогда читают заговор⁵¹. Обмывают, моют или умывают детей от сглазу и от болезни⁵², моют заговоренной водой для останова крови и от укуса змеи⁵³, от сухоты⁵⁴. Ср. присказку при окачивании в бане: «с гуся вода, с тебя худоба, на пустой лес, на большую воду» (то же при спрыскивании водою в случае болезни)⁵⁵.

Особая целебная и очистительная сила приписывается непочатой воде (первой воде, взятой из колодца с утра) и воде, собранной из нескольких (обычно трех) источников (рек, ключей) с соблюдением ряда условий (собирать воду на заре, идти молча, не кланаясь, не отвечая на приветствия и не оглядываясь, иногда — непременно натошак)⁵⁶. Этой водой обмывают или окропляют больного (или имущество), читая заговор.

В тех случаях, когда действие обливания, обмывания упоминается в тексте заговора, оно обозначается как *смывать*, *обмывать*, *умывать*, *измывать*, например: «Пойду я . . . с озера на озеро, с реки на реку, с ключа на ключ. В тех озерах и в реках, и на ключах вода живая, текучая и палочая. Той водой обливаю и окропляю я, . . . пенья и колоды, сухие кочки и белые камни; *смываю* и снимаю всякую нечистоту и щерботу. Еще же *умою* и окропляю . . . младенца . . . от худой худобы, от хворой хворости, от лихой лихости. . . »⁵⁷; «Царица-водзица . . . омываешь ты крутые берега, желтые пески, сырые коренья, шерый камень, — *омывай*, *очищай* у (имя) на чем ему уроцы схватились»⁵⁸; «Царица водзица с под утренней зари и с под вечерней зари, серый камень обмывала, круты бережка сцирала. Раб Федор рукой своей воду браў, рабу Алену *измавай* от всякого глаза, от всякого часа избавляй . . . »⁵⁹; «Как ты, река-матица. . . смываешь и обмываешь свои крутые, красны бережка с вершины и до устья, а с устья сносишь во сине море, так ты, река-матка, *смывай* и *обмывай* мои ставушки, мои ловушки, с них уроки, призоры, встречи, перебеги, поспехи,

⁵⁰ Виноградов I, стр. 50 (записи из Костромской обл.).

⁵¹ В стухов, стр. 418.

⁵² П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. III. СПб., 1902, стр. 78, 288 (записи из Гродненской обл.); П. Ефименко. Малороссийские заклинания (место и год издания неизвестны), стр. 25—28 (далее — Ефименко).

⁵³ П. В. Шейн. Материалы. . . , т. II. СПб., 1893, стр. 539, 549—550 (записи из Смоленской обл.), далее — Шейн II.

⁵⁴ Чубинский, стр. 123.

⁵⁵ Даль³ IV, стб. 1243.

⁵⁶ Виноградов I, стр. 94—95 (запись из Костромской обл.); Чубинский, стр. 42—43.

⁵⁷ Виноградов I, стр. 94—95 (запись из Костромской обл.).

⁵⁸ Шейн II, стр. 535—536 (запись из Витебской обл.).

⁵⁹ Шейн II, стр. 533 (запись из Смоленской обл.).

злые и лихие оговоры. . .»⁶⁰. Последний заговор особенно интересен, так как в списке ему предшествует рекомендательная запись: «Когда нитку или ловушку *смываешь*, или снасть какую, говори трою по реке. . .» Итак, обряд излечения или очищения при помощи воды обозначался словом *смыть* (реже *измыть*, *обмыть*).

Аналогичным образом обозначаются и некоторые другие обряды с применением воды: например, колымск. *размывать руки* — «повитуха с родильницей *размывают руки* на девятый день после родов водою, в которую брошено несколько серебряных монет»⁶¹; арх. *смыть тоску* — «по окончании поминок в доме покойника в день похорон, все члены семейства его моются в бане и потом окачиваются водою, в которую знахарка . . . всыпает, с известными нашептываниями, принесенную с могилы покойника землю, — для того, чтобы *смыть тоску*, унять тоску»⁶². Близкое словоупотребление известно также чешскому языку: болезни там также «*byly smývány*»⁶³, существует обряд *smývat vínku* (на третий день после крещения ребенка)⁶⁴. В польском языке в связи с магическим обрядом умывания водой, в которую бросали серебряные монеты или другие предметы (чтобы приобрести желаемое — красоту, богатство), появилось выражение *umywać się czemu, komu* или *do czego, do kogo* 'быть похожим (на кого-либо)'⁶⁵.

Реже для обозначения обрядов, связанных с очищением водой, используется глагол *лить*: например, *вълить переполох*, ср. чеш. диал. *oblévačka* 'народный обычай, состоящий в том, что молодые люди поливают друг друга водой'⁶⁶.

Как и всякое магическое действие, смывание могло, вероятно, иметь своей целью не только исцеление, очищение, но и обратное — наведение, насылку порчи, болезни на недруга, причем часто это были действия взаимно связанные. Так, в конце заговоров обычна формула отсылки болезней и уроков, типа: «*подите вы, уроки, на сороки, на луга, на очерета, на болота, за моря*»⁶⁷; «*отыди на непроходную землю и на безводную, и не деланную, на ней же человек не живет*»⁶⁸. В записях, сопровождающих текст заговора, часто рекомендуется воду, которою обмывали боль-

---

⁶⁰ Виноградов I, стр. 69 (запись из Вологодской обл.).

⁶¹ Богораз, стр. 124.

⁶² Подвысоцкий, стр. 174.

⁶³ Machek, стр. 315 (статья *mze*).

⁶⁴ F. Bartoš. Naše děti. Praha, 1951, стр. 15.

⁶⁵ St. Ciszewski. Umywać się czemu, komu albo do czego, do kogo. — JP 12, 1927, стр. 42—44.

⁶⁶ PSJČ III, стр. 707.

⁶⁷ Ветухов, стр. 191.

⁶⁸ Н. Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч., вып. II. СПб., 1909, (=ЖСт. 1908, вып. I—IV), стр. 17 (запись из Костромской обл.).

ного, вылить в «глухую сторону»⁶⁹. Но нередко отмечается также, что от болезни можно избавиться, передав ее другому человеку⁷⁰, причем для этого достаточно воду, которой обмывали больного, вылить к чужому дому⁷¹. Особенно интересно выражение *zmywać się na kogo* в польских говорах по Ломнице: оно обозначает обряд обливания, сопровождающегося произнесением заговора, с целью наслать порчу на недруга⁷².

Употребление глагола *смыывать* в значении 'ворожить, обмывая или обливая водой' зафиксировано в древнерусских памятниках начиная с XI в.: Не боуди баа, ни *смыывати*, сына си не вражи, ни птицаи гатаи (Изборник 1073, л. 94)⁷³; Скарѣдаа твора... обавникъ матежникъ. чародѣи scomрахъ. шузолникъ *смыывати* ꙗ члвкы. въ птицъ граи вѣруа ꙗ баснемъ сказатель... (Рязанская Кормчая 1284 г., л. 51а-б)⁷⁴; Аще кто волхвомъ ꙗли обавникомъ ꙗли узолникомъ. дроугымъ таковымъ себе вдасть и призываетъ сию в домъ свои. да ѿкрые тьму. и повѣдять о нихъ ж° желани ꙗмать ꙗли очаровану ему бывшую. обрѣсти хотя таковою или *смыти* тако зломъ злое ицѣлаа ꙗ. лѣ да припадають (Рязанская Кормчая 1284 г., л. 65 г.; близкий текст — в Варсонофиевской Кормчей XIV в., л. 456)⁷⁵; Блудникъ, обавникъ, ... узолникъ, *смывая* челоуѣкы, ... баснемъ сказатель, ... во птици и гады загадывая, таковыи на лѣта отлучатся отъ причастіа, аще покаются (Святительское поучение духовенству и мирянам, XV в.; близкий текст — в Кормчей Балашова, перв. четв. XV в., л. 45)⁷⁶; *Смываю* с соба худость и умываю на соба хорошество и лѣпоту (Сборник заговоров XVII в., л. 30)⁷⁷. Знахарки, занимавшіеся смыыванием, назывались *смывалей*: непреподобне приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужеи презлыхъ чаровниковъ и бабъ *смывалей* и шептунеи и иными различными чары чарующихъ (История о великом князе Московском, л. 132 и 292)⁷⁸.

Е. Елеонская, исследовавшая историю заговоров и колдовства в России XVII и XVIII вв. на материале судебных дел, отмечает широкое распространение заговоров среди различных сословий: «Достаточно составить краткий перечень лиц, упоминаемых

⁶⁹ Ефименко, стр. 25—28.

⁷⁰ Чубинский, стр. 112.

⁷¹ Ветухов, стр. 362; J. Schnaider. Z życia górali nadłomnickich.—«Lud» XVIII, 1913, стр. 178.

⁷² J. Schnaider. Указ. соч., стр. 176.

⁷³ Срезневский III, стб. 755.

⁷⁴ Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Институт русского языка АН СССР.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Картотека древнерусского словаря XV—XVII вв. Институт русского языка АН СССР.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

судебными делами, как хранителей заговорного знания, чтобы убедиться, как оно было распространено в разных сословиях: дворянская боярыня, священник, скотник, боярский сын, работница — все запасались волшебным орудием и при случае пользовались им»⁷⁹. Судя по протоколам судебных дел, приведенным в вышеупомянутом труде П. П. Чубинского, даже в начале XVIII в. была распространена вера в колдовство путем обливания (тяжба в ряде случаев ведется из-за того, что один из соседей вылил что-то на двор другого, причем в семье последнего затем кто-то заболел)⁸⁰. Однако Елеонская считает XVII век последним временем значительности колдовства и заговоров⁸¹.

Официальная церковь боролась с языческим знахарством начиная с крещения Руси (см. приведенные выше тексты Кормчих). Можно думать, что в XVII в., на рубеже затухания колдовства и заговоров (известных в XIX в. уже в реликтовом состоянии), соединение официальной точки зрения на смывание как на вредное и греховное действие, с одной стороны, и остатков веры в возможность причинить вред путем обливания, с другой стороны, явилось основанием для появления нового значения глагола *смывать/измывать* — 'причинять вред, издеваться' (ср. историю фразеологизмов *зубы заговаривать* и *перемывать косточки*, также возникших из лексики знахарства и колдовства⁸²).

Впервые глагол *измываться* зафиксирован в конце XVII в.: Так то учителя надъ людьми тѣми наругаются и честнѣйшими лицами окаяннїи *измываются* (Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старобрядческий трактат против самосожжения 1691 г. Сообщение Х. Лопарева. СПб., 1895, л. 50)⁸³. В приведенных выше текстах заговоров для обозначения направления пересылки болезней и уроков используется предлог *на*; аналогично и польск. *zmywać się na kogo*. Поэтому и для глагола *измываться* можно было бы ожидать управления *на кого-либо*, тогда как употребляется лишь *над кем-либо*. В замене управления могли иметь значение два рода отношений. Во-первых, известна генетическая вторичность *над* по отношению к *на* и вариантность в употреблении *на* и *над* как в качестве предлогов, так и в роли приставок (ср. др.-русск. *нагнати—надгнати*, *належати—надлежати*, *наломити—надломити*, *настичи—надстигнути*⁸⁴). Во-вторых, суще-

⁷⁹ Е. Елеонская. Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях. — «Русский Архив», 1912, кн. 4, стр. 616.

⁸⁰ Чубинский, стр. 396, 434—435, 437—438.

⁸¹ Е. Елеонская. Указ. соч., стр. 624.

⁸² В. В. Виноградов. Из истории русской лексики и фразеологии. I. История выражения «перемывать косточки». — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», VI. М., 1954, стр. 3—14.

⁸³ Картотека древнерусского словаря XV—XVII вв. Институт русского языка АН СССР.

⁸⁴ Срезневский II, стб. 275, 281; 295, 282; 297, 282; 336, 283.

ственно включение глагола *измываться* 'издеваться' в группу синонимичных глаголов с управлением *над*: *издеваться, глумиться, изгаляться, насмехаться*. Влиянием синонимичных глаголов может объясняться и возвратная форма глагола *измываться*.

В связи с вопросом о происхождении глагола *измываться* следует упомянуть группу диалектных слов, близких этому глаголу и формально, и семантически: прибалт. *зўбы мыть* 'лясы точить'⁸⁵, урал. *обмывать зубы* 'смеяться, улыбаться'⁸⁶, *зубомбй* 'насмешник'⁸⁷. Источником этих выражений является образное употребление глагола *мыть* ('обнажать') и семантическая модель того типа, который лежит в основе выражений *скалить зубы, зубоскал*. Представляется, что история глагола *измываться* не связана с этими словами.

---

⁸⁵ В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова. Указ. соч., стр. 110.

⁸⁶ Опыт, стр. 133.

⁸⁷ «Словарь русских говоров Среднего Урала», I. Свердловск, 1964, стр. 196.